
Священная земля Гэсэра, страна Вечно-Синего Неба Тэнгэри**The Sacred Land of Geser, the Country of Eternal Blue Sky Tengri**

Мои самые ранние наиболее яркие воспоминания улейского детства связаны с мифопоэтическим отражением в сознании бурят Приангарья героических деяний Абай Гэсэра во имя добра и справедливости, в защиту сырых и угнетенных. Когда мой дед Абаев Роман Иванович (по родовой фамилии — Махутов, из клана *мангут*, род *онхотой*, племя *булагат*), с которым я провел все детство в небольшой деревушке Ехэ-Ялга, входившей в группу сел под общим названием Улей, выезжал летом со двора на телеге по своим делам, он часто брал меня с собой и по дороге объяснял смысл некоторых названий местности, окружающих гор, перевалов, озер, рек и т.д.

Уже отъезжая от дома, дед начинал рассказывать мне: «Вот над нашей усадьбой возвышается гора Таряатын Табан Хушуун. Собственно, наш дом находится у подножия этой горы, которую по-русски можно назвать «Пятиконечная гора «Таряаты», «Пятиглавая гора, богатая просом и пшеницей»». Слово «таряаты» означает, что там издавна сеяли просо и пшеницу, а «пятиглавая» означает, что однажды Гэсэр, во время жестокой схватки со злым чудовищем мангадхаем, оступился и оперся рукой о вершину этой горы, в результате чего на горе образовались ложбинки — следы пальцев нашего предка — богатыря Абай Гэсэра», — пояснял дед.

Затем, указывая на противоположную сторону улейской долины, где возвышались две священные горы Улаан и Удагтай, а между ними находился перевал в виде седловины, дедушка говорил: «Эта выемка между горами образовалась от богатырской стрелы Гэсэра, разорвавшей одну гору на две части. Через этот перевал мы ездим в Бильчир и далее — в Бохан»¹. От этих слов начинало казаться, что вся окружающая земля буквально наполнена героическим духом Гэсэра, который как бы освятил своими богатырскими деяниями эти места, ставшие для наших предков объектом особого культа — тэнгрианского, основополагающего элемента всей тэнгрианской религии, основанной на поклонении «Вечно Синему Небу Тэнгэри», главному божеству всех монгольских народов.

Позднее, став вполне взрослым, зрелым человеком я узнал из трудов авторитетных ученых Дугарова Д. С., Чагдурова С. Ш., Михайлова Т. М., что героический эпос бурят, в первую очередь Гэсэриада, объединившая многие народы Центральной и Внутренней Азии (тибетцев, тангутов, монголов, тувинцев и др.), сказочным геро-

¹ Есть несколько версий этимологии топонима «Бохан» (от «Бөө-Хан» или «боохэн», от «бома, «боом» – «ущелье», высокая и отвесная скала, загораживающая проход или узкую долину в горах, и др.). Последний вариант предпочтительнее с точки зрения общесибирской топонимики (у эвенков, например бом – ущелье; в Туве есть небольшая гора «Бома» на дороге из Кызыла в Шаногар). Но этот топоним связан и с названием «Владение Бома» в китайских хрониках VI в., о чем мне впервые сообщил известный китаевед Г. Б. Дагданов, который тоже был уроженцем этих мест (с. Кутанка). Как я сам выяснил позднее, «Бома» переводится «Пестрая лошадь», что соответствует весьма популярной у осинско-боханских бурят в древности масти лошадей (ср. этноним алагуй – «Всадники, ездящие на пестрых лошадях»). Название «Владение Бома» связано и с гунно-булгарским племенем басмилов («бас»// «баш» – «голова», «головной», «главный» + «милигэ», «билигэ», «булагат»). В таком случае этноним булагат нужно связывать не с булган (соболь), а с тюркско-уйгурским «булан» – «лось», что более логично как с лингвистической, так и с религиозно-тотемической точек зрения, и со скифо-арийским племенным названием «сак» (олень, марал, лось), от которого произошли этнонимы «сагай» (хак.), «саха» (як.), «саая»(тув.), индо-арийский «сакья» и др.

ем которых стал Гэсэр, стала основным источником тэнгрианской религии, особого религиозно-философского и этического учения «тэнгризма». Когда мы говорим «источник», то имеем в виду не только письменный «первоисточник», т.е. свод священных текстов или канонических произведений (как, например, Библия, Коран, буддийские сутры и трактаты, произведения Лаоцзы и Чжуанцзы), большинство которых излагает философию своего Учения в письменной форме, мы имеем в виду, прежде всего, характерную для тэнгрианства своеобразную эпическую форму устного народного творчества.

И такая форма изложения религиозных идей полностью соответствует сугубо народному характеру и духу этой религии и ее специфической мифопоэтической форме, содержащей в себе и адекватно передающей слушателю мощную энергетику «Небесной» религии, которую, как и эпос Гэсэр, создал не какой-то Великий Учитель или проповедник, а сам народ, выразивший свои думы и чаяния о высшей справедливости и счастливой жизни, о мироздании и универсальной духовной силе Небесного Бога Тэнгри.

Иначе говоря, эпос Гэсэр является и Библией, и Кораном этой сугубо народной религии, которая была теснейшим образом связана с народным бытом и с окружающим ландшафтом, ключевыми элементами которого были священные горы и источники, реки и озера. Кстати, горы Таряаты, Улаан, Удагтай и другие объекты тэнгрианского культа, о которых мне рассказывал дед Р. И. Абаев, упоминаются в трудах Т. М. Михайлова, С. П. Балдаева, Д. С. Дугарова, М. Н. Хангалова и других маститых бурятских ученых, которые при этом отмечали, что многие священные горы Приангарских бурят связаны с предшествующими монгольской эпохе периодами Тюркских и Уйгурского каганатов, особенно с курыканами, предками саха-ураанхайцев (якуты), а также с уйгур-урянами Транс-Саянин.

Так, название горы Удагтай явно связано с тюркско-уйгурским «ыдыгытыг» («священный»), которое имеется в языке потомков древних теле-уйгуров Саяно-Алтая, в том числе восточносаянских уйгур-уряихов (тувинцев, соетов, хакасов, тофаларов). Вместе с тем, бурят-монгольское «улаан» несомненно связано с названием священной горы протомонгольского племени ухуань — Чишань, которое тоже означает «красная» (ср. гору Чесан в Кижингинском аймаке Бурятии). Согласно пояснениям моего деда, у подножия горы Улаан наши сородичи из деревни Ехэ-Ялга, принадлежавшие к булагатским родам онхотой, онгой, хогой, которые произошли от общих предков, трех братьев (соответственно, Онхотой, Онгой, Хогой), потомков самого Булагата, пришедших сюда из окрестностей горы Байтог (от тюрко-уйгурского «Бай-таг» — «Священная гора»), совершали самый главный общественный тэнгрианский молебен — тайлаган, тоже связанный с культом гор и добрых «западных» небесных божеств-тэнгриев, возглавляемых Гэсэром, сыном Хормуста-тэнгри, верховного солнечного божества сибирских скифо-ариев (тув. Курбусту, алт. Корбустан, древне-арийский Ахура-Мазда, более поздний вариант Хормазд, от которого происходит название «Народ Хор», т.е. «Народ Солнца», «Солнечный народ», «Дети Бога-Солнце»). Участие в тайлагане — это, пожалуй, мое самое яркое детское воспоминание улейского периода жизни, поскольку это был настоящий большой праздник для всего родового коллектива, с танцами, стрельбой из лука, борьбой, конными скачками и т.д.

В другой стороне от этих священных гор (Улаан и Удагтай), в самой дальней, «верхней» части улейской долины имеется остроконечный конусообразный холмик, называемый Орголи и образовавшийся от земли, которую Гэсэр якобы стряхнул с наконечника своей стрелы. Мифологическая основа рассказов моего деда находит

буквальное подтверждение в фундаментальном коллективном труде «Буряты» из серии «Народы и культуры» (Москва: Наука, 2004), изданном под редакцией д.и.н. Л. Л. Абаевой и д.и.н. Н. Л. Жуковской. Так, в статье В. Ш. Гунгарова и Н. Л. Жуковской «Мифы, легенды и предания бурят» в связи с топонимическими легендами и преданиями бурят буквально сказано: «Образование рек, озер, горных перевалов связано с именем главного героя бурятского эпоса Гэсэра. Например, в погоне за Лобсогдой мангадхаем Гэсэр проезжал через водораздел рек Иды и Осы, его конь сделал выбоины на хребте и образовались озера Оншоо и Доншоо. Когда Гэсэр очищал стрелу от земли, образовалась гора, Орголи. Все эти места находится в Иркутской области» («Буряты», с. 266).

Наряду с почитанием Гэсэра, главного культурного героя бурят, гора Орголи была несомненно связана и с общемонгольским культом священных гор, одним из главных, универсальных и ключевых тэнгрианских культов, воплотившем в себе древнейшие космологические, религиозно-мифологические представления об Axis Mundi (Ось Мира), сакральной вертикали, пронизывающей все мироздание и соединяющей Небо-Отца с Матерью-Землей (см. Абаева Л. Л. Буддизм и культ гор в Бурятии. – М., 1992.). Универсальное значение культа гор в монгольском тэнгрианстве обуславливалось тем, что каждая священная гора, пусть даже самая маленькая (или вообще представленная камнем, скалой, небольшой пирамидальной кучкой камней, называемая монголами и забайкальскими бурятами «обо», а тюркоязычными народами Транс-Саянии — «оваа»), символизировала Мировую Гору как вертикальный космический центр Вселенной, соединяющий все три главные равновеликие космические сущности — Небо, Земля, Человек.

Сакральное значение горы Орголи и всей прилегающей местности усиливалось тем, что неподалеку находился священный источник (булаг), возле которого совершался родовой обряд жертвоприношения «*зухэли*», заключающийся в том, что шкура жертвенного животного вместе с головой и ногами насаживалось на длинный березовый шест, закрепленный колом в земле, причем голова, увешанная разноцветными лентами, с втиснутой в зубы пихтовой корой, была направлена в сторону восхода солнца, в чем проявляется связь с древнеарийским культом Солнца, сохранившемся в тэнгрианской религии как у тюрков, так и у монголов. Этот обряд у монголов Чингисхана считался столь важным для поддержания и укрепления генеалогической линии его «золотого», т.е. «царского рода» (алтан ураг), что от него отстраняли тех сородичей, родословная которых вызывала какие-то сомнения.

Как и священные горы и источники, березовые шесты с жертвенными животными *зухэли*, служили своеобразным маркерами сакральной этнической территории, наглядными средствами сакрализация самой Матери-Земли — главной святыни бурят, тесно связанной, вместе с тем, с почитанием Хухэ Мунхэ Тэнгри (Вечно-Синее Небо), его сына Эсэгэ Малаан-Тэнгри, «мудрого отца — небожителя» и старшего божества из класса добрых западных тэнгриев — Хормуста-тэнгри, небесным сыном которого и считался Абай Гэсэр-Хубуун, хотя он был рожден земными родителями.

В этом тоже можно усмотреть тэнгрианский смысл обряда *зухэли*, поскольку он должен был поддержать идею небесного происхождения «золотого рода» и его генеалогические связи с древнейшими царским (ханскими, каганскими) родами гуннов-хунну, скифо-ариев (племенное название *сак*), уйгур-уряньхов, тюрков Ашина и тугю, а также жужаней, ухуаней и сяньбийцев — непосредственных предков монголов.

Той же цели обоснования наличия у всех монголов (хамаг монгол), в том числе и у бурят, особых связей с Вечно-Синим Небом и его харизматической силой (хушэн, хусэн), которая наделяет небесной харизмой и членов этого рода (борджигин), служила также генеалогическая легенда о матери-прародительнице Алан-Гоа. Известный из «Тайной истории монголов» эпизод о женитьбе Добун-мэргэна, имя которого явно связано с этнонимом Тоба и с правящей северокитайской династией Тоба-Вэй (386-538 гг.), которая считается преемницей Империи Сяньби, многими учеными рассматривается как отражение реальных исторических событий, имевших место в середине IX – начале X в. (см. «Буряты», с. 17). Имя Алан-Гоа (тувинское Алан-Хоо, якутское Алан-Куо) встречается и в «шаманских» (точнее тэнгрианских) «призываниях» наших осинских и боханских бурят, опубликованных Т.М. Михайловым под общим названием «Хухэ Мунхэ Тэнгэри» (Улан-Удэ, 1996).

Согласно традиционной монгольской генеалогии, родословная «золотого рода» Чингисхана вплоть до его прадеда Кабул-хана, когда произошел переход на патрилинейную систему родства, отсчитывалась именно от Алан-Гоа, т.е. через женскую линию родства. А мужская линия родства вообще носит сугубо мифический характер, поскольку мужские предки Чингисхана, согласно генеалогическим легендам, родились методом непорочного зачатия из «чистых чресел» Алан-Гоа после смерти законного мужа Добун-Мэргэна (считается одновременно предком и монголов, и урянхайцев) от «Желтого Пса», проникавшего в ее юрту в виде луча света через дымоход.

Таким образом, эта мифологема разделила всех монголов Чингисхана на *нирунов* (от *нуруу* – хребет), рожденных из чистых, непорочных чресел Алан-Гоа, называвшихся также «хребетными», поскольку они жили в горно-таежной местности, и *дарлекинов* (от дархан – кузнец), преимущественно обитавших в степной зоне. Под «хребетными» монголами подразумевались, судя по всему, и предки бурят из рода *мангут*, к которому принадлежал мой дед и его сородичи из родового клана Махутовых, а сам этот род восходит к Хойлдар-сечену, ближайшему родственнику и соратнику Чингисхана, который считался родоначальником легендарных мангутов и урутов, служивших ударной силой его армии¹. Название же племени *мангут* (кит. «мэн-гу»), появившееся в китайских источниках VIII в., повествующих о событиях VI-VII веков, видимо, и послужило этнонимической основой для самого названия «монгол».

Николай Вячеславович Абаев
д-р ист. наук, профессор
Бурятский государственный университет
E-mail: kol-bugra@yandex.ru

¹ В связи генеалогией Чингисхана Т. Д. Скрынникова среди глав родов, встроенных им в свою генеалогию, упоминает и родовое имя Манхунд (см.: Нукерство – элита монгольского улуса Чингисхана // Чингисхан и судьбы народов Евразии - 2: мат-лы конф. – Улан-Удэ, 2007. – с. 32).